

Человек и его права как политико-правовые феномены в свете современной концептологии государства, процессов «дегуманизации» и «расчеловечивания»

Жук Н. А., кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин юридического факультета ХНУ им. В. Н. Каразина

*Из всех прав самое неопровержимое — это право умного
(силой ли, уговорами ли) вести за собой дурака.*
Томас Карлейль

В свете заявленной тематики конференции первое, что обращает на себя внимание в условиях вызовов современного мира - это радикальное (в ряде случаев) различие в понимании сути того, что во времена Ф. Нансена вкладывали в такие понятия, как «гуманизм», «человек», «государство», «право», «права человека», и то, каким содержанием наполняют эти понятия в настоящее время. Второе – это очевидная тенденция вытеснения некоторых из этих понятий (в частности, понятия «государство») на периферию правопонимания, а также активные попытки трансформации содержания ряда вышеуказанных феноменов вплоть до искажения их природы и даже полного отрицания их (богоустановленной) сути.

Яркий пример последнего дает нам концепция трансгуманизма (такая себе форма неорелигии), оформляющая соответствующее общественное, политическое и культурное движение. Его сторонники аргументируют неизбежность трансформации природы человека в силу достижений науки и технологии и предлагают кардинально новый взгляд на человека, который в результате «конвергенции биологических, информационных, познавательных и нанотехнологий» должен стать умственно и физически улучшенным существом, избавленным «от страданий, болезней, старения и смерти» - тех аспектов существования, которые апологеты трансгуманизма полагают нежелательными. При этом за скобками остается то, духовный аспект в человеке вообще не входит в круг понятий данной концепции, и что, без преувеличения, новый вид человека предстает в виде сущности, полностью лишенной трансцендентной (божественной) природы и «Божьей искры», а, значит, и всей полноты своей человеческой сути. Не менее интересна в контексте рассматриваемой проблематики концепция

постгендеризма, в целом укладывающаяся в рамки трансгуманизма. В ее основу положена идея о том, что существование гендерных ролей, когнитивных и физических различий в целом оказывает негативное влияние на жизнь отдельных людей, и что с развитием вспомогательных репродуктивных технологий либо вообще отпадет необходимость половых сношений в целях размножения, либо все постгендерные люди будут иметь возможность вынашивать и рожать детей, что, таким образом, приведёт к исчезновению полов в обществе нового типа. Данная концепция также нацелена на устранение человека в его нынешнем виде.

Понятно, что допущение возможности реализации подобных концепций неизбежно ставит вопрос о пересмотре существующих подходов к правам человека и очерчивании того набора прав т.н. «постчеловека», которые будут соответствовать его новым биологическим, постдуховным и иным потребностям. Неудивительно, что сторонники традиционного взгляда на общество, человека и его природу оценивают подобные концепции и тенденции как такие, что на самом деле способствуют дегуманизации и «расчеловечиванию» человека. Естественно, продвижение подобных концепций в рассматриваемой нами сфере вызывает ряд вопросов, в том числе, о высшей (или конечной) цели предлагаемых изменений и трансформаций природы человека; о круге субъектов, выступающих, с одной стороны, «заказчиками», а с другой – «инструментами» таких преобразований; о последствиях реализации заданных тенденций для политико-правовой реальности, человеческой цивилизации и самого человека.

Не менее значимым видится то, что понятийный аппарат современной юриспруденции продолжает оперировать понятиями, сложившимися в условиях, качественно отличных от нынешних, и это затрудняет объяснение многих феноменов политико-правовой реальности. Речь, в частности, идет о том, что на уровне общетеоретической юридической науки ключевыми концепциями, очерчивающими контур проблематики прав человека, продолжают оставаться концепции «демократического», «правового» и «социального» государства, в то время как современная политико-правовая практика выдвинула на первый план ряд совершенно иных концепций государства, власти и общества, в свете которых

проблема прав человека и их реализации приобретает совершенно иной характер. Речь идет, в том числе, о таких концепциях, как концепция «государства национальной безопасности» (реализуется в Соединенных Государствах Америки (далее по тексту – США) с 2001 года), концепция «корпоративного государства» (реализуемое в Японии со времен окончания Второй мировой войны), концепции «цифрового» и «технократического государства», «минимального государства», «открытого общества», «мирового правительства».

Анализ практики реализации некоторых из этих концепций, а также отдельных идей этих концепций позволяет сделать вывод о том, что объем прав человека, степень их гарантированности и защищенности в случае их воплощения скорее уменьшаются и скукоживаются, нежели увеличиваются или хотя бы сохраняются в прежнем виде. Для наглядности обратимся к примеру последствий реализации в США концепции «государства национальной безопасности» в сфере прав человека. Речь идет о том, что положенный в основу этой концепции т.н. «Патриотический Акт» 2001 года и сменивший его в 2015 году т.н. «Акт о свободе» позволил государству осуществить ряд мер, которые до той поры рассматривались как нарушение основ демократии. В частности, реализация этой концепции в США сопровождалась отказом от фундаментальных принципов международного и конституционного права - презумпции невиновности, права на судебную защиту, официальности и публичности правосудия, от принципа неприменения пыток к задержанным. Помимо этого, существенным образом была трансформирована система организации и функционирования механизма государства США, основа которой традиционно увязывалась с двумя важнейшими в этой части принципами демократии – принципом разделения власти и принципом законности. Так, вопреки конституционным предписаниям в части разделения власти между законодательными и исполнительными органами по вопросу объявления войны, президент США приобрел право единолично принимать решение о начале войны (в Ираке) в любое удобное ему время и использовать любые средства для ведения войны, включая ядерное оружие. И такое состояние дел никак нельзя оценить как позитивное в сфере утверждения и гарантирования прав человека.

